

Анатолий Жариков

Бродящему

Книга стихотворений

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анатолий Жариков
Бродящему

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Жариков А.

Бродящему / А. Жариков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге лирики нашли место вариации, аллюзии, переключки с текстами древнейшего памятника философской мысли «Упанишадами», поражающими современного человека своей глубиной и парадоксальностью. В лирической кухне – грустно, весело, серьёзно, по-всякому. Содержит нецензурную брань.

Когда

Холод проникает одежду
и первые дни года.
Мёртвые пробуждаются.
1 ян 2018

Уходит позёмка,
оставляя светлую радость
на дороге.

Ты красива,
я сильный.
Наш бог растёт мудрым.

А. Белый:

Глаза
перед собой
дико выпучив,
хитрая ласковость
в нос вороний
вмонтирована.

Разваленная Украина,
как недостроенное
государство Платона.

Убогая,
как страна
без поэта.

Дождик Верлена,
распутица Рембо.
Ночь Фета.

Не то плохо,
что уходишь.
Плохо, что возвращаешься.

Когда
много знаешь,
много хочешь.

Не знающий
куда идти –
бог.

Останется тело,
куст красный, сад белый.
Экое дело.

Январь, утро.
Туман, скрытый туманом.
Дорога на ощупь.

Высек мастер из камня
подобие своё.
И онемел. Оно заговорило.

Подслушал, как поёт.
Подсмотрел, как волнуется.
Родила сына и дочь.

Но и не просто, боже,
(как-никак творение всё же),
тело моё разрушив,
вернуть душу.

И то, что неизвестно вам,
не видано и не подслушано,
нас бухало по головам
и ложью заползало в уши.

Жизнь вышла из окопа. Для
жизни человеческой и личной.
И солнца ждёт обмытая земля.
И чистая свеча зажжённой спички.

Жена каждый день
рассказывает о
жизни на земле.

Селенье. Девочка Рахиль.
В пыли лоснящееся стадо.

Легенда? Сказка? Миф ли? Быль?
Хмель золотого винограда?

Январь все форточки продул.
Я жив и этим белым светом.
Оглядываясь на июль,
не будешь летом.

Болотце, лес, коряги тут и там,
берлоги волчьи, норы лисьи.
Нечеловеческая суета.
Всё тёмные места
и в паутинах мысли.

Осторожно,
ощупывая землю,
падает первый.

Перспектива

А в глазах-порезах миндалинах –
Модильяни.

А из кубиков сшитых лицо –
Пикассо.

А в прекрасном до неприличия –
Микеланджело и Да Винчи.

В старом зеркале
уходящий старик
спиной ко мне.

Меня, как бога,
не читают.
Не знает никто.

Не знает нога,
что она нога.
Идёт себе.

Не оспариваю
у смерти её право
на рождение.

Канон

Хозяйка:

–3 руб. 20 коп.
за 1 кг.

Художник:

–Перспектива
света.

Учитель Чжуан:

–Бесконечность
конечного.

Ты во всём права,
дорогая.
Когда молчишь.

Вечность – замкнутый круг,
в котором и мы маемся,
друг.

Сократ:

И смерть прекрасна.
Если она не входит
в дом твой без стука.

На самом деле
никто, никогда, ни от кого
не может спрятаться.

Даже на бессмертное
смотрю
с улыбкой.

Растущие стебли гороха
обезвреживают
минное поле.

Молящийся не замечает,
что разговаривает с собой,
когда разговаривает с богом.

Имя
гражданина –
человек.

Не теряй себя
в обществе.
Будь общественной личностью.

Не теряй себя
и в мире.
Будь мировой душой.

Но другу
не рассказывай о своих
слабостях.

Я ещё поброжу по улицам,
поговорю с прохожими,
посмотрю на женщин,
перечитаю Платона, Плотина и других
Лао и Джуанов,
послушаю ещё раз Ли Бо, Верлена,
напишу пару трёхстиший
да что-нибудь в русскую рифму,
и уже потом буду готов, Господи,
возвратиться, чтобы узнать
что-либо ещё, не земное,
но так же захватывающее дух и
до рёбер сдирающее бледную кожу.

Цветаева

Вот мои стихи,
боли печать.
Вот вам радости.
До сосновой доски
буду кричать,
буду цвести.

Как Цветаева в крике
тишины искала.
Как Ахматова в тишине
крика.

Пересадили зимний сад,
звезду и ёлку,
в заасфальтированный зад
посёлка.
Нетерпеливо пьёт народ,
сжигает свечи.
И смотрит глубоко вперёд,
конечно.

Ушли за гору пастухи,
в иные дали.
И тридцать третьи петухи
кричали.
Давно не плодоносит сад.
И у реки,
вопрос задав, ученики
спят.

Валенки надел,
тепло, крематорий!
Шуршу по комнате.

Тебе по жизни места нет
и ни хрена не будет лучше.
Когда и только ты поэт,
а не поэт когда по случаю.

У меня есть
удивительная возможность:
говорить о себе,
вернее, говорить себя.
Почему я должен писать
о чём-то другом?
Вам будет даже интересно,
как я пью пиво
или влюбляюсь в женщину,
просто иду по улице.
И когда вы прочтаете меня,
увидите и себя.
Пейте на здоровье.

Осторожные люди живут в Манхаттане,
Берлине, Лозанне.
Я запрягаю тройку

в широкие сани,
грузённые снегом,
и отправляюсь в далёкие страны
рассыпать это белое чудо.
Посмотрите, люди:
оно ярко-холодное,
оно бело-горячее,
оно просто прекрасное.
Снимите меховую защиту,
трогайте это чудо руками,
глазами, языками.
Вы отморозили пальцы?
Нет, вы отморозили душу,
которая перестала быть осторожной,
искусственной и подозрительной.
Она восстановила клетки организма,
которые лепили человека человеком –
светлые, тёплые, тихие.
Подталкивайте мою повозку.

Пишу себе, позволяя читать иным,
сказал Жюль Ренар, включая в Дневник сны.
И не жалко, поскольку там
человеческая всё суета.

Ты в каракуле, как лягушонка в карете.
Что загрустила, моя му-му?
Воспоминанием о лете
не погуби зиму.

Вечер, рву
событиями дня.
Сегодня – кровью.

Жизнь через стихи
или стихи через жизнь –
всё одно – несущ.

Есть
эстетика
взгляда.

Пролетая над гнездом кукушки, –

не поселиться ли в этом лесу? –
подумал я.

Дурная бесконечность
Человек сотворил бога.
Бог сотворил человека.
Кто сотворил сотворение?

Замечаю:
говорю сам с собой?
или собой говорит с сам?

Склероз господний,
деградация материи –
есть становление человека.

Рассмеялась женщина,
вышибла мысли.
Смотрю пустой головой.

Я выбрал ту,
что хотела,
но молчала.

Тень,
говорящая, что есть
день.

Каждой молитвой
я унижаю тебя
до меня.

Открытая Сократа
чистая любовь
к юноше.

В лесу

Без ветки я не вижу леса,
так, бурое пятно в глазу.
В оправе линзы на носу
сверхчувственного интереса
рассеивают леса тьму.

И холодно от содроганья
внимать неявному тому
сознанию, что вне сознанья.

Сидел бог
в тишине.
И стал тишиной.

Выговорила
слово птица на
верхушке клёна.

Перевожу с
восклицательного
на вопросительное.

Спит милая в моей постели,
спят ангелы, уснула ночь,
и все коровы почернели
я продолжаю мир толочь.

День, ночь и мы
под небесами.
И кто-то мыслит
нашими глазами.

Проснулся Атман или бог,
не собранный и не посеянный.
И в никуда у праздных ног
течёт серебряное время.

Смотрел задумчиво в окно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.